**Ассиметричное равновесие формальных и неформальных практик
политико-экономического институционального порядка в постсоветской
России**

Khalilov, T.A.

**Asymmetric balance of formal and informal practices of political-
economic institutional order in post-Soviet Russia**

Аннотация. В статье рассматривается сформировавшаяся ассиметричная, но равновесная модель взаимодействия формальных и неформальных политико-экономических практик в постсоветской России. В качестве причин доминирования неформальных практик над формальными отношениями обозначается наличествующий институциональный порядок, который заинтересован в реализации «узкого» проекта модернизации (экономический рост) и не заинтересован в «широком» проекте модернизации (либерализация политической системы), что приводит к одномоментному существованию нескольких моделей взаимодействия политической и экономической власти (государственный капитализм, корпоративный капитализм, консенсусная коррупция) в постсоветской России.

Abstract. The article examines formed asymmetric, but equilibrium model of formal and informal political and economic practices interaction in post-Soviet Russia. The reasons for the dominance of informal practices over the formal relationship is designated actual institutional order, which is interested in implementation of "narrow" modernization project (economic growth) and is not interested in "wide" modernization project (political system liberalization), which

leads to the existence of several models of political-economic power interaction (bureaucratic capitalism, corporate capitalism, consensus corruption) in post-Soviet Russia.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ, АДМИНИСТРАТИВНЫЕ БАРЬЕРЫ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК, ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ, МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

KEYWORDS: FORMAL AND INFORMAL PRACTICES, ADMINISTRATIVE BARRIERS, POLITICAL INTERACTION, INSTITUTIONAL ORDER, POLITICAL MODERNIZATION, MODELS OF SOCIAL JUSTICE

Постсоветские трансформационные процессы для российского общества оказались крайне болезненными, и для того, что обеспечить ресурсами те социальные группы, которые подверглись максимальным социально-экономическим издержкам в период построения новой капиталистической системы, государство стало активно выполнять функции регулирования: запущен процесс изъятия ресурсов из пространства неформализованных рыночных отношений и распределения их пострадавшим целевым группам. Соответственно, началась модификация модели социальной справедливости: от уравнительной (*рыночно-капиталистической*) конца XX века к распределительной (*государственно-социалистической*) начала XXI века. Однако, помимо трансформации российской социальной структуры, крайне актуальной повесткой является определение «образа желаемого завтра», модернизационных ориентиров, политических КРІ (системы оценки, позволяющей институциональной структуре определить достижение стратегических и тактических

(операционных) целей). Ведь, по мнению российского политолога Д.Я. Травина, «Россия с ее нынешней политикой плохо вписывается в формирующуюся картину XXI века... Если Россия станет развиваться в соответствии с наметившейся линией, то вероятность печального исхода достаточно велика. Если же нам удастся осуществить коренной поворот и сделать современную Россию страной не XX, а XXI века, мы сохраним шанс завершить модернизацию и даже включиться в процесс постмодернизации» [1, с. 272-275].

В современном социально-гуманитарном знании не существует единого мнения относительно объяснения главных причин неудач постсоветской модернизации. Так, например, известные экономисты Д. Асемоглу и Дж. Робинсон считают, что состояние российской политико-управленческой системы является результирующей частного случая господства «экстрактных институтов» [2]. Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст утверждают, что в российском варианте реализуется «порядок ограниченного доступа» [3]. Однако «вписать» наличествующую повседневность асимметричного равновесия формальных и неформальных практик политико-экономического институционального порядка в постсоветской России в существующие институциональные теории явно недостаточно: необходимо выявить *причины возникновения сущности состояния*. Р. Пайпс, например, утверждает, что ключевой причиной, объясняющей феномен слабости публично-правового взаимодействия в России, является историческая обусловленность, воспроизведение эффекта империи, «наследие прошлого» [4]. Ш. Эйзенштадт считает, что конструирование политико-экономического взаимодействия закрытого, неформального, теневого типа представляет собой защитную реакцию на провалы модернизации [5]. Р. Инглхарт и К. Вельцель качественные параметры политий объясняют культурными настройками, традициями и ценностями, которыми руководствуются представители конкретного социума [6].

Помимо неопределенности причинно-следственных пропорций в вопросах анализа качества политического управления существует еще один не менее важный вопрос: «Является ли демократия необходимым и/или достаточным условием для поведенческой фиксации и эффективной практики формального политико-экономического взаимодействия?». Ответ на этот вопрос получить крайне трудно: негарантирована и неоднозначна сама судьба демократии в современном многосложном мире.

Так, известный немецкий политический философ О. Хёффе, рассуждая о рамочных условиях будущности феномена демократии, приходит к позитивному, но не постоянному умозаключению: «Демократия как таковая не несет в себе какой-то особой перспективности. Вместе с тем она располагает такими ресурсами, с которыми недемократии либо не могут соперничать вовсе, либо соперничают слабо: активное гражданское общество, высокий уровень обучения и образования, социальный и культурный фундамент и, не в последнюю очередь, политическое устройство, способное гибко реагировать на новые вызовы, *на финансовый крах (курсив – мой)*, в конце концов. Тем самым в глобальном соревновании политических систем демократия имеет многостороннее конкурентное преимущество. Просвещенно-либеральная и, кроме того, партисипативная демократия обладает легитимационным, научным и экономическим преимуществом перед недемократиями. Кроме того демократия обладает также способностью к самообучению, что в будущем может способствовать преодолению дефицита ее перспективности, который пока наличествует» [7, с. 311].

Очевидно, что сегодня не существует единого конструктивистского значения демократии. Так, известный британский политолог Дэвид Хелд, анализируя сущность демократии сегодня, приходит к выводу о том, что «споры о современном значении демократии породили чрезвычайное разнообразие моделей: от видений технократической формы правления до

концепций социальной жизни с расширенным политическим участием и принципом совещательности» [8, с. 425].

В современных условиях на российский политический ландшафт, характеризующийся размытостью существующего общественного договора, сильное воздействие оказывает макрополитическая нестабильность, что приводит к возникновению обилия неклассических многофакторных моделей, гибридных конструкций, комбинированных структур, бисекторных и трипартистских институтов. В этой связи, совершенно аргументированным и убедительным выглядит тезис Г.О. Квасовой, Г.С. Працко и В.Ю. Шпака о том, что «существование «институциональных ловушек» фактически закрепляет деформированное развитие политического рынка в современной России, заставляя его функционировать как квазирынок» [9, с. 154].

Абсолютно справедливым является вопрос о корпоративизме российского государства. Так, некоторые политологи считают, что российская политическая система по совокупности характеристик является неокорпоративистской [10], другие же исследователи убеждены в том, что российский корпоративизм не тождественен российской политической системе (он, скорее, представляет собой подсистему взаимодействия политических и экономических акторов, например, бюрократии и бизнеса) [11].

В рамках данного исследования мы придерживаемся теоретико-методологических и концептологических позиций ученых, считающих, что в современной России одновременно сосуществует несколько институциональных порядков взаимодействия политической и экономической власти. Так, мы можем найти примеры инфраструктурной фиксации в постсоветской России плюралистической демократии как институционализированного порядка формального политического и формального экономического взаимодействия, хоть и являющегося наименее распространенным из существующих в России порядков, но все же находящего свою реализацию в российской политической реальности

(например, механизм оценки регулирующего воздействия, «Открытое правительство», Агентство стратегических инициатив, бизнес-омбудсмен и др.) [12]. Модель корпоративного капитализма, совмещающая в себе формальное политическое и неформальное экономическое взаимодействие, представлена, например, практикой передачи на аутсорсинг контрагентам части собственных управленческих функций (платежная система «Платон»). Примером институционального режима государственного капитализма, который в последнее время трансформируется в порядок государственного корпоративизма, как неформального политического и формального экономического взаимодействия в России могут быть малоэффективные государственные корпорации, непрозрачные государственные торги, закупки, заказы и аукционы. Существование же консенсусной коррупции как неформального политического и неформального экономического взаимодействия возможно в России в силу незавершенности институционализации нормативно-правового пространства (отсутствие Федерального закона Российской Федерации «О лоббизме» и др.). Ведь, согласно исследованиям профессора НИУ ВШЭ С.Ю. Барсуковой, неформальные практики выполняют три функции: (1) заполняют вакуум формальных норм; (2) вытесняют формальные нормы, предлагая более выгодное субъекту соотношение издержек и результата; (3) превалируют над формальными нормами, используя последние как инструменты достижения неформальных договоренностей [13].

Обозначенные институциональные порядки взаимодействия политической и экономической власти достаточно полно описывают внутрисистемные процессы постсоветской политики: неформальные практики составляют институциональное ядро политической среды, а формальные процедуры являются ее оболочкой. Три из четырех политико-экономических институциональных порядков в постсоветской России содержат в себе институциональное ядро в виде неформального политического и/или экономического, что позволяет обрисовать конфигурацию

институциональных порядков в виде ассиметричной, разбалансированной, неэффективной, но устойчивой, гибкой и субоптимальной конструкции «клетки», позволяющей бюрократии *«захватывать»* социального актора, диктовать ему стиль, форму и механизмы взаимодействия и определять ресурсность повестки изменения.

Список литературы

1. Травин Д.Я. Крутые горки XXI века: постмодернизация и проблемы России. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 294 с.
2. Асемоглу Д., Робинсон Дж. А. Экономические истоки диктатуры и демократии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 512 с.
3. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. – 480 с.
4. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Прогресс, 1994. – 329 с.
5. Eisenstadt S.N. Revolution and the transformation of societies: a comparative study of civilizations. New York: Free Press. 1978.
6. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.
7. Хёффе О. Есть ли будущее у демократии? О современной политике. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 328 с.
8. Хелд Д. Модели демократии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – 544 с.
9. Квасова Г.О., Працко Г.С., Шпак В.Ю. Политический рынок и порядок общества: институциональное и историко-правовое измерение. М.: Вузовская книга, 2013. – 272 с.
10. Макаренко Б.И. Неокорпоративизм в современной России // Сравнительная политика. 2011. № 2 (4). С. 90-97.

11. Перегудов С.П. Бизнес и бюрократия в России: динамика взаимодействия // Полития. 2007. № 1 (44). С. 52-64.

12. Бизнес и власть в России: формирование благоприятного инвестиционного и предпринимательского климата [Текст]: монография / науч. ред. и рук. авт. колл. А.Н. Шохин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 461 с.

13. Барсукова С.Ю. Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 215 с.